

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 2 (14) 2018 DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.2

Ссылка для цитирования этой статьи: Равочкин Н. Н., Щенников В. П. Идеиная обстановка в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 2 (14). С. 85-94. DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.2.12

УДК 304.9 : 316.3

Никита Равочкин¹, Владимир Щенников²

ИДЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Актуальность исследования определяется кризисной ситуацией, сложившейся в части идеологии, характерной для современного российского политического пространства. Цель исследования – анализ идеологических образований, способных обеспечить самоидентификацию индивидов и задать перспективный вектор развития российского общества. Методы исследования: в работе представлены методы историко-философского анализа, социально-философской и политической компаративистики. Результаты исследования: в работе проанализирована эволюция представлений об идеологии в истории классической и современной философской и политической мысли. Показано отсутствие однозначной приверженности в современном массовом сознании и государственной политике идеологии либерализма или консерватизма, идеям патриотизма или социальной справедливости, с чем связано кризисное состояние идеологической жизни российского общества. Теоретическая значимость: исследование намечает перспективы дальнейшего исследования обозначенной проблематики.

Ключевые слова: идеология, идея, общество, политика, государство, ценности, плюрализм, либерализм, консерватизм, патриотизм, социализм.

1 Равочкин Никита Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин, Кемеровский ГСХИ. Россия, 650056 г. Кемерово, ул. Марковцева 5. E-mail: nickravochkin@mai.ru

ORCID: 0000-0003-1247-8231, SPIN-код автора (РИНЦ): 9408-2175.

2 Щенников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Кемеровского государственного университета. Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная 6.

ORCID: 0000-0002-0900-7925, SPIN-код автора (РИНЦ): 2069-0344.

Сложность и многогранность исследований идеологии свидетельствует о множестве подходов, являющихся порой диаметрально противоположными. Нашему исследованию соответствует позиция И. Валлерстайна: «Идеология – это гармоничная стратегия поведения на социальной арене, на основе которой можно сделать определенные заключения политического плана» [Валлерстайн, 2018, с. 149]. Государство всегда репрезентирует общество, выдавая при этом собственный интерес за всеобщий. Тем не менее, неправильным будет сводить роль идеологии к обслуживанию исключительно политического курса государства: ее функции распространены на все сферы социума от поддержания жизни и моделирования социальной реальности до выбора пути последующего развития цивилизации.

Сегодня не вызывает сомнений, что новые запросы на форму и содержание идеологии актуализируются в турбулентные периоды исторического развития общества, а ее осмысление неразрывно связано с деятельностью интеллектуальной элиты, именно они ответственны за будущее идей мирового развития, в котором сегодня отчетливо наблюдается переломный момент. Привычные модернистские детерминанты планетарного развития человечества уже не тождественны себе, а привычный оценочный инструментарий в виде традиционных идеологий утратил актуальность.

Иными словами, классические идейно-политические течения не могут предложить решений в обновлении и преодолении истлевающего Модерна, ставшим на глазах Постмодерном, а иногда и последнего и переходе общества в новую мировоззренческую парадигму³.

Исследование идеологии включено в проблемное поле социальной философии относительно недавно с введением этого термина французским сенсуалистом А. Дестютом де Траси. Первоначально «идеология» должна была стать наукой о мыслях, анализирующей ощущения, образование и изменчивость идей для фундирования воспитания, педагогики и политики [Дестют де Траси, 2013]. Но уже первоначально идея обнаруживается у Платона, обозначая образ, вид, форму. Платоновская идея в философии П. Д. Юркевича определяется как некоторое начало, «изъясняющее ход явлений для нашего сознания», в последующем обосновывая и развивая его в действительности [Подвойский, 2006, с. 291], корни идеологии обнаруживаются у Ф. Бэкона в проблеме «идолов». А. А. Трунов пишет, что под идолами в бэконовской философии понимаются «специфические ментальные образования, пленившие человеческий разум, укрепившиеся в

³ См., например: Щипков В. А. Регионализм как идеология глобализма: монография. М.: МГИМО-Университет, 2017.

нем и владеющие умами людей» [Трунов, 2013, с. 8]. Все это, как известно, создает помехи в восприятии реальности. Кроме этого, именно Бэкон обращается к миссии ученых-интеллектуалов для осуществления ими контроля над обществом. Это связано с наличием в социуме таких проблем, решить которые в силах только интеллектуальная элита: легитимность власти; резкое ухудшение качества жизни населения, усиливающее их недовольство властью; ослабление контроля над политической элитой, готовой призвать народ к мятежу; и, наконец, «религиозные новшества, налоги, изменения законов и обычаев, нарушения привилегий, всеобщее угнетение, возвышение людей недостойных» и др. [Там же, с. 12].

Когда мы обращаемся к предыстории изучения идеологии, обнаруживаем, что практически нигде не упоминаются имена Дж. Локка и Д. Юма. А ведь первый из них является классиком сенсуализма и одним из отцов либерализма. Говоря об абстрактных идеях Локка, можно предположить, что это напрямую относится к механизму создания любой идеологии, поскольку соответствует процессу редуцирования мышления до «ограниченной идеологической схемы, пригодной для распространения во всех слоях общества» [Кравченко, с. 26].

И действительно, идеология отражает действительность в теоретических понятиях и перцептивных образах, в выверенных законах и ценностных суждениях и в сочетающих рациональное и эмоциональное политических программах. Идеологии, помимо синтеза разума и эмоций, присуща двойственность и противоречивость, свидетельствующих о ее потенциале отражения действительности реально (адекватно) и иллюзорно (неадекватно). Как известно, В. И. Радченко высказал спорный тезис по поводу англосаксов как основателей разделения на рабов и господ, определяя их роль как прародителей двойных стандартов «в мироощущении, в понимании добра и зла, демократии и прав других народов» [Радченко, 2015, с. 112]. Такая бинарная множественность взаимоотношений, заключает А. Н. Тетиор, унаследована человеком из живой природы и ее антагонистических (антибиоз-симбиоз) отношений. Здесь идеология является результатом (ре)формируемых человечеством государственных отношений, обеспечивая его поступательное развитие под влиянием определенных идей [Тетиор, 2017, с. 72-73].

Заметим, что идеи, возникая под воздействием конкретных условий в различных сферах общественной жизни, стихийно рождаются из повседневности, но их корректируют интеллектуалы в роли идеологов. Идеи и идейные ценности являются «материальными ресурсами» любого идеологического проекта. Как проект, идеология требует организованности материала, а в процессе управленческой (государственной) деятельности идеология (как проект) призвана решать проблему (проблемную ситуацию). Опираясь на позицию Г. П. Щедровицкого, отметим, что замкнуть и собрать идеи и ценности в такую связку, которой до появления конкретного идеологического проекта не было и не могло быть, напрямую относится к главным задачам идеологов [Щедровицкий, 2001].

Исторически первой развёрнутой социально-философской концепцией, определяющей феномен идеологии, была марксистская¹, которую нельзя упрощать до ложного сознания. В идеологии, с позиции марксизма, происходит отражение социальной практики человека, а сами К. Маркс и Ф. Энгельс определяют ее как совокупность овладевающих миром взглядов и идей. Выходит, что идейные ценности связаны с интересами, задававшими движение к создаваемым идеями образам будущего. У Маркса идеология не равна рациональному обману или элементарной манипуляции сознанием эксплуатируемых со стороны господствующего класса, фактически это не позволяет свести идеологию только к рациональным концептуальным схемам, определяя для идеологии обработку иррациональной природы человека (глубинных стремлений) [Стрельников, 2015, с. 125].

Интересна критика идеологии в трудах К. Мангейма, понимающего под ней мышление противника или мышление, ирреальное по отношению к практике политического деятеля [Прытков, 2014, с. 42]. А у А. Грамши идеология связана с экономическими, политическими, социальными, культурными и коммуникативными факторами и процессами, конституирующими субъективность и формирующими человеческую идентичность с целью подчинения социальному целому. Здесь идеология связана не только с политическим пространством, но и политическим действием [Гаджиев, 2016а, с. 11].

XX в. показал, что это век политических идеологий, где значение политической идеологии состоит не в самоутешении власти, но для создания системы «сакрализованных» ценностей и паттернов в соответствии с интересами крупных социальных групп. С другой стороны, в XX веке идеология насильно навязывалась населению, в результате, идеи государственного развития (национализм, фашизм, коммунизм), «принятые за абсолют, как высшая и единственная самостоятельная ценность, в долгосрочной перспективе показали свою неэффективность» [Сургуладзе, 2014, с. 50].

Идеология формирует образ будущего общества, задает смысл жизни людей, организывает их, определяет их идентичность через отношение к действительности и друг к другу. Соответствие действительности выступает критерием жизнеспособности любой идеологии. Идейная конгруэнтность тенденциям мирового развития гарантировала поступательное развитие общества, в то время как несоответствие идеологии вызовам эпохи приводило к политическим ошибкам и человеческим трагедиям. Поэтому «роль идеологии в обществе трудно переоценить» [Славин, 2016, с. 107].

Начавшаяся в XX веке в условиях биполярного миропорядка «Холодная война» определила системный характер конфликта между идейно-политическими силами коммунизма и либерализма. Стоит отметить, что именно в этот период была предложена наиболее широкая трактовка идеологий, появились концепции «деидеологизации» и реидеологи-

¹ Объективистский подход, делающий акцент на политических функциях идеологии

зации». К. С. Гаджиев замечает, что в условиях фронтальной идеологической борьбы «парадоксальным образом была выдвинута теория деидеологизации» (Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский, М. Липсет). По нашему мнению, объявление деидеологизации стало реакцией на набирающие мощь в Европе коммунистические идеи. Так, Белл, полностью отвергая идеологию, полагает, что она утрачивает свое влияние на общественную жизнь [Гаджиев, 2016b, с. 94]. Во многом это было связано с генезисом постиндустриального общества и установками на знание и информацию¹. Это способствовало росту уровня качества жизни и трансформации идеологии в универсальный научно-рационалистический подход. Последний был призван выявить объективные закономерности в решении социальных проблем, поэтому сторонники деидеологизации считали, что развитое в научном плане общество может себе позволить преодолеть власть продуцируемых идеологиями иллюзий [Баранец, Калантарян, 2012, с. 98]. В таком случае, была вероятность деполитизации.

Вопреки этому в 70-х гг. XX в, концепция деидеологизации не выдержала «проверки практикой» в лице трансформировавшихся идеологий. Наиболее ярким примером возрождения и последующего укрепления западных идеологий стал неоконсерватизм, почти всегда отрицавший, но признавший идеологию необходимой составляющей полноценной политики [Каменская, Соловьев, Смирнов, 2015, с. 102]. Также стало очевидным, что в обществе любой субъект не может занимать неидеологическое положение. Это связано с тем, что социальные институты созданы в соответствии с учетом конкретных интересов, ценностей и потребностей индивидов. Последующее воспроизведение и функционирование институтов обеспечивается системой идеологических отношений [Баранец, Калантарян, 2012, с. 98]. В сущности, идеология рассматривается теперь в функциональном аспекте государственного управления. Западные исследователи отталкиваются от конкретной области социальных практик, отдавая ведущую роль функционалу идеологии.

Нам любопытна оправдательная риторика идеологов деидеологизации, оцениваемая нами как примитивно проведенная, на уровне одних лишь лозунгов, кампания. По этому поводу профессор Гаджиев пишет, что «З. Бжезинский пытался объяснить, что в своих рассуждениях о «закате идеологии» он имел в виду только ее догматизм, систематизаторство, в то время, как Д. Белл не полагал, что интеллигенция навсегда отреклась от поисков новой идеологии» [Гаджиев, 2016b, с. 96]. Деидеологизация, таким образом, отождествлялась с конвергенцией социализма и капитализма, которая бы являлась локомотивом эволюционных преобразований равно как для западного, так и советского общества.

Реидеологизация стала свидетельством того, что идеология необходима. В условиях стремительно меняющегося общественного развития вряд ли кто-то подвергнет сомнению

актуальность и востребованность уникальных стратегических и ценностно-ориентированных идеологических проектов. Авторы считают, что именно обращение западных стран к осмыслению динамики идеологий определило их победу в «Холодной войне».

В сравнении с советской моделью, на Западе «каждый человек рождается и живет в определенном, сформированном этим механизмом идеологическом поле, избежать которого он не в состоянии», где, кроме этого, существуют специальные идеологические организации, формально таковыми не являющиеся, но обязательно «выполняющие идеологические функции» [Козырев, 2014, с. 124]. Рассуждая в мангеймновском духе, обнаруживаем, что в западных государствах идеология трансцендентна социальному устройству, устанавливая взаимную идентичность и гарантируя ее в зависимости от объективных тенденций общественного развития [Мангейм, 1994].

Используя идеи Д. В. Трубицына применительно к идеологии советского общества [Трубицын, 2016], обратим внимание на игнорирование советской политической элитой факта, что любому обществу, на какой бы стадии оно ни находилось, свойственна тенденция к трансформации. Социальная обусловленность идеологии предполагает, что трансформации должны находить в ней свое отражение, которые необходимо подвергать соответствующей интерпретации [Козырев, 21, с. 280]. В этом, на наш взгляд, коренится одна из причин краха советской супердержавы: «централизованная идеологическая машина» потерпела поражение от мобильного, гибкого и агрессивного «западного рынка» [Макаревич, 2016, с. 136]. Находясь у власти, именно элита была ответственна за вектор развития. Но уже в перестроечные времена обнаруживается дефицит новых доказательств силы идеологии.

Именно накануне перестройки идеология нашей самой большой страны и все ее прежние доказательства стали марксистским «ложным сознанием», поскольку на конкретном историческом этапе они резко контрастировали с реальностью, загнивающий социализм не был готов к конфликту с идеологией Запада. Тем самым, и самоидентификация членов каждого общества стала различной, не только за счет веры, но и знания. Все это закономерно объясняет поражение советского общества, поскольку идеология реализуется именно через наличие оппонента, т. е. конфронтацию с другими идеологиями [Грачёв, 2014, с. 84]. Отказ от идеологической борьбы означал не только признание поражения Советского Союза в «Холодной войне», прекращение биполярного мира, но и последующее зависимое положение.

С этим связана фактическая идейная пустота, и восприятие идеологии как несвободы [Соколова, 2014, с. 20]. Последняя олицетворяет собой побежденные тоталитарные государства, в которых идеология становится тождественной манипуляциям и пропаганде. Приведем мнение В. П. Прыткова, выделяющего объективные условия вечности идеологии: социальные неравенства; рост способов манипулирования

¹ Поэтому целесообразно упомянуть о концепциях информационного общества М. Кастельса, Е. Масуда, Э. Тоффлера и др.

сознанием людей; «вечный» разрыв между сущим и должным, между действительным и желаемым; растущее отчуждение граждан от власти, невозможность влиять на принятие политических решений и уход от действительности (замена их симулякрами) [Прытков, 2014, с. 45]. Таким образом, совершенно справедливой представляется мысль о том, что «без идеологии в принципе не может существовать никакое государство, поскольку в идеологии концентрируются идеалы, цели и ценности тех или иных социальных групп современного общества» [Прохожев, 2013, с. 161].

Стоит согласиться с В. В. Кравченко, который указывает на новую цивилизационную ситуацию, в которой оказалось теперь российское общество [Кравченко, 2013, с. 25]. Некоторые ученые отмечают непосредственную связь между отсутствием государственной идеологии в стране и кризисом [Соколова, 2014, с. 20]. Вероятно, некоторое время существование без идеологии происходило за счет инерции, но мы склонны заявить об идеологическом вакууме, поскольку по инерции завершалась советская эпоха [Остапович, 2014, с. 168]. Однако образовавшийся идеологический вакуум не является долговечным – в него вскоре стали проникать новые идеи, «принимающие иные очертания» [Гаджиев, 2016b, с. 101].

Тем не менее, руководство чужими ценностями и оценками не способствует успешной адаптации общества к вызовам мирового развития, а использование идей и взглядов прошлого, так или иначе, подразумевает их вплетение в современный контекст [Демин, 2016, с. 26]. Таким образом, без сформированной идеологической позиции в государственном развитии отсутствует ценностное единство и происходит усиление чувства утраты самоидентичности и дезинтеграционных тенденций.

Как известно, в российском обществе нормативно закреплена «идеологическое многообразие». Закономерно встает вопрос: на что ориентироваться в условиях действия 13-й статьи Конституции РФ? Очевидно, что для государства необходима собственная национальная идея, задающая вектор движения к желаемому будущему. Но что представляет собой наше общество на конкретном этапе своего развития и на какой образ будущего ориентироваться?

В условиях неоднозначности глобализации и идеологического плюрализма в российском обществе возникает противоречие: между сознательно проектируемыми и стихийно возникающими идеологиями, поскольку для российского социума стало характерно распространение идеологий, как религиозных¹, так и связанных с отрицанием социализма² [Пусько, 2015, с. 16]. Признание идеологического многообразия может означать уже пройденный Западом этап развития – деидеологизация, которая, по нашему мнению, носит добровольный иллюзорный характер. Добровольность в том, что в условиях идеологического многообразия допускаются

сомнения в гарантированности прав и свобод, самоустранение государства из социальных сфер, но чрезмерное участие в трансформации политических и правовых институтов. В этом отличие пути российской «деидеологизации» от того, по которому прошел Запад, заменив неоконсерватизмом исчерпавшие на тот момент либеральные идеи.

Принятие за образец будущего западной либеральной модели означает, что Россия становится органичной частью западной цивилизации [Пахомова, 2014, с. 30]. Обращение к либерализму, не адаптированному к отечественным реалиям, и сконцентрированному исключительно на свободе человека, игнорирует ответственность человека перед обществом [Гареева, 2014, с. 59]. В итоге общество подверглось аномии, при которой сдерживающее действие морали ослабло, а социум уже не в силах сдерживать девиантное поведение. Можно сказать, что за неимением ясной национальной идеи, в современной России большинство населения просто не знает ее сути, приписывая этому феномену всевозможные смыслы [Золотухина-Аболина, Золотухин, 2016, с. 116].

В итоге, де-юре демонстративное игнорирование идеологии привело к полной деструкции ценностных смыслов. Никем из государственной элиты не были учтены трансформации, происходящие внутри самих идеологий. Сюда можно отнести и предложенные В. Н. Ильиным точки микробифуркации (расцвет идеи, идеологическое насыщение, деградация идеи) [Ильин, 2005]. И то, что со временем классические идеологии «утрачивают свои фундаментальные свойства и смысловые границы, становятся саморазвивающимися открытыми системами, которые заимствуют друг у друга новые принципы и ценности, существенным образом трансформируя их содержание» [Трунов, 2017, с. 68].

В свою очередь, У. Матц напрямую указывает на выяснение актуального значения идеологий именно в кризисные периоды государственного развития [Матц, 1992]. Поэтому необходимо осуществить поиск идеологического проекта, способного преодолеть дефицит смыслов, чтобы объяснить образовавшиеся в общественном сознании социальные реалии [Трунов, 2014, с. 3]. Да, с недавнего времени ведутся дискуссии, какая идеология нужна России. Но чем дольше, на наш взгляд, будет продолжаться идеологический плюрализм, заявленный в Конституции, тем глубже укореняется кризис, и тем большее отчуждение народа наблюдается в политической и социальной сферах – граждане попросту лишаются веры, что возможно изменить жизнь к лучшему [Соколова, 2014, с. 22].

Результатом «постидеологического состояния» с отсутствующей идейной доктриной является не только нивелирование нравственности и ценностных ориентиров, но и политическая дестабилизация страны во время складывающегося нового миропорядка. Так, мы не согласны с идеями Ф. Фукуямы, что в мире произошел «очередной конец идеологий», а единственным победителем выступает либерализм. Как не принимаем мы за истину и концепцию С. Хантингтона с

1 Православие, ислам, католицизм, буддизм, иудаизм

2 Либерализм, консерватизм, социал-демократия, монархизм, европеизм, глобализм

тезисом: «Запад против всего остального мира» [Каменская, Соловьев, Смирнов, 2015, с. 102]. Очевидно, что Хантингтон ошибается по поводу конца идеологических коллизий и перехода к коллизиям исключительно цивилизационным, ведь «любые столкновения, в конечном счете, воплощаются в идеологических системах» [Гаджиев, 2016b, с. 97]. Размышляя над основополагающими ценностями, которые Запад последовательно собирается распространять, мы обнаруживаем не что иное, как идеологию либеральной демократии, поэтому версии по поводу конца идеологий иррациональны и несостоятельны.

Идентификация идеологий условна в зависимости от исторического опыта [Черняховский, 2014, с. 131]. Считается, что путь к современному состоянию большинства обществ проходил за счет противоборства либерализма и консерватизма. Но в нашей стране изначально ключевые идеи либерального государства (верховенство закона, личная свобода и защита граждан) воплотились в «ликвидации сословных привилегий, активизации работы земств и участию в государственных делах» [Гирник, 2017, с. 56]. Заимствование либеральных идей как победившей идеологии (вероятно, без учета его «версии конца XX века») и их применение в условиях реформ конца XX века опять же привело к их реализации в отрицательной модальности [Зудин, 2014]. В тех условиях население было не готово ожидать результатов своей деятельности десятилетиями, и не было заинтересовано в самореализации. Поэтому закономерно, что в основу национальной идеи не могут лечь исключительно либеральные идеи, поскольку либерализм «предельно дискредитирован и не предполагает рецептов мобилизации» [Черняховский, 2014, с. 132]. Действительно, согласимся с П. С. Селезневым, что «либерально-демократический путь развития не является универсальным и таит в себе существенные риски, особенно для незападных стран-реципиентов» [Селезнев, 2014, с. 24].

Консерватизм в нашей стране также оказался модернизированной идеологией. Первоначально он адресован по отношению к ценностям прошлого и их защите. В то же время консерватизм не означает защиту того, чего нет, современность диктует, что вопреки накопившемуся опыту, в чем-либо происходит усиление целостности, тогда как в другом – разобщение и фрагментация. Закономерно, что историческая суть консерватизма, основанная на традиционализме и коллективном начале общественной жизни, не соответствует настоящему времени [Гирник, 2017, с. 56]. Поэтому сегодня при ответе на вопрос о том, какие идеи сохраняют электоральные предпочтения россиян, уместней говорить о синтезе либерализма и консерватизма. Но это не исключает того, что общество попадет в очередной кризис. Ведь обращение к неоправдавшим себя идеологическим проектам не учитывает взаимодействия идеологий «молекулярного» уровня [Сулимин, 2015, с. 47].

Будущая идеология российского общества не может быть экспериментальной, т. е. спроектированной без учета препят-

ствующих обстоятельств и в отрыве от реального состояния общественного сознания. Эффекты и императивы современного мирового развития в качестве составляющей государственной идеологии актуализировали идеи патриотизма и социальной справедливости. Так патриоты основываются на абстрактных для нас «истинно русских ценностях» [Черняховский, 2014, с. 132]. Но трудно представить некий универсальный набор ценностей, особенно для страны, в которой отражен опыт совместной деятельности различных культурно-исторических типов.

Наблюдаемая по идеологическим соображениям атомизация членов общества и утерянная в большинстве социальных групп преемственность не позволяют понять суть того, что действительно ценно для россиян. Молодое поколение, сформированное под влиянием глобального общества, соответствует ему, следовательно – отвергает традиционные, но с удовольствием принимает ценности виртуального мира [Харин, 2015, с. 31]. Патриотизм означает и признание авторитета государства, идейно скрепляющего население. История страны позволяет задать вопрос по поводу соотношения таких ценностей с конкретным историческим этапом развития страны. Интерпретация исторического прошлого напрямую связана с самоидентификацией населения [Рудковский, 2015, с. 110]. Кроме этого, преобладание идей патриотизма может привести к чрезмерному поиску и последующей дискредитации оппонентов. Такие, например, как антизападные и иные «анти-» настроения являются крайней формой патриотизма, что не может позитивно сказаться на мобилизационных возможностях идеологии. Размышляя по данному поводу пессимистически, А. В. Митрофанова считает, что «попытка реализовать «локальный (самобытный) проект рано или поздно приведёт к изоляции и гибели», а Запад исключительно способен ликвидировать всю самобытность [42, С. 130]. К слову, это представляется весьма сомнительным, поскольку в России идеи крайнего патриотизма не способны трансформироваться в маргинальные идеологии¹ ввиду геополитических особенностей нашего государства.

Рассуждая о возможности апеллирования к идеям социальной справедливости, мы также не находим подтверждения, принимая за идейную базу, например, теорию справедливости, Д. Ролза [Якимов, 2016]. Современность показывает, что политическая элита по-прежнему склонна злоупотреблять использованием различных идей в зависимости от контекста. Да и можно ли вообще говорить о сформированном понятии справедливости у различных групп населения современной России? Неопределенность, непредсказуемость, случайность, импровизация – вот маркеры нашей современности. Импровизация в жизни иллюстрирует, что сегодня люди не способны оценить справедливость и адекватно отреагировать на нее. В первую очередь справедливым будет отойти от потребительского мировоззрения, преследующего единственную цель – прибыль, и «обратить внимание на самые широкие

1 Этнизм, фундаментализм, регионализм

слои населения» [Фомин, 2014, с. 8]. Наверняка, после этого появится чувство веры в справедливость власть, работающей на интересы большинства населения страны, но не на носителей привилегий.

Итак, современное идеологическое состояние российского общества является свидетельством неопределенности в выборе как между синтезом либерализма-консерватизма-социализма, так и вариантов новых, ранее эпизодически встречающихся, идеологий. Именно поэтому поражение социализма (коммунизма) и дальнейшее отрицание этих идей совсем не свидетельствует о победе либеральной идеологии

в сегодняшних реалиях нашей страны. В современном российском обществе наблюдается закономерный кризис ценностей, их фрагментация, и тем не менее, в нашем обществе востребована идеология и национальная идея. Ведь в современном мире основу государственной прочности и преодоления «промежуточного» положения составляют идейный каркас, консолидирующие ценностные ориентиры и конгруэнтное им целеполагание. Но такая новая идеология и будущее гармоничное развитие российской государственности несовместимы с идеей России как «сырьевого придатка», обслуживающего текущие мировые интересы.

Литература

1. Баранец Н. Г., Калантарян И. Г. Деидеологизация и реидеологизация современного общества: мифы и реальность // *Власть*. 2012. № 11. С. 097-099.
2. Валлерстайн И. *Миросистемный анализ: Введение*. М.: URSS. 2018. 304 с.
3. Гаджиев К. С. Конец или возрождение идеологии? // *Свободная мысль*. 2016b. № 1 (1655). С. 93-104.
4. Гаджиев К. С. *Метаморфозы идеологии в век информатики*. М.: Университетская книга, 2016a. 456 с.
5. Гареева Л. Ф. Либерализм как идеология свободы личности // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2014. № 8 (93). С. 58-61.
6. Гирник М. Н. Либерализм и консерватизм как основа идеологий // *Общество: философия, история, культура*. 2017. № 4. С. 55-57.
7. Грачёв А. В. Политические идеологии современности: конфликтологический аспект // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2014. № 1 (2). С. 84-86.
8. Демин И. В. Трактовка специфики исторического познания в философской концепции Р.Дж. Коллингвуда // *Язык и культура*. 2016. № 24. С. 25-29.
9. *Дестют де Траси А. Основы идеологии*. М.: Академический проект; Альма Матер, 2013. 333 с.
10. Золотухина-Аболина Е. В., Золотухин В. Е. Идеология для России: пути и препятствия // *Свободная мысль*. 2016. № 1 (1655). С. 115-122.
11. Зудин А. Ю. *Очерки идеологии развития* // *Тетради по консерватизму*. 2014. № 2 (2). С. 7-18.
12. Ильин В. Н. *Термодинамика и социология. Физические основы социальных процессов и явлений*. М.: КомКнига, 2005. 304 с.
13. Каменская Г. В., Соловьев Э. Г., Смирнов А. Н. Политические идеологии в современном мире: кризис или очередной этап эволюции? // *Власть*. 2015. № 12. С. 101-108.
14. Козырев М. С. Идеология как фактор социальных трансформаций // *Социальная политика и социология*. 2013. № 3-1 (94). С. 279-288.
15. Козырев М. С. Историческое развитие идеологии // *Вестник Костромского государственного университета*. 2014. Т. 20. № 1. С. 122-126.
16. Кравченко В. В. От идеологии к идеопрактикам: социально-философский дискурс в эпоху плюрализма // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2013. № 2. С. 25-31.
17. Макаревич Э. Ф. Идеология как единство ценностей // *PolitBook*. 2016. № 3. С. 134-150.
18. Мангейм К. *Идеология и утопия*. М.: Юрист, 1994. – С. 7–276.
19. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху Модерна [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf (дата обращения: 31.05.2018)
20. Митрофанова А. В. Рецензия на книгу: Харин А. Н. Модели государственного устройства в условиях глобализации: сценарии для России. М., 2013 // *Геополитика*. 2013. Вып. XX. С. 127–130.
21. Остапович И. Ю. Особенности воздействия идеологии на право // *The Genesis of Genius*. 2014. № 1-1. С.

- 166-172.
22. Пахомова Е. А. К вопросу о корнях современной российской либеральной идеологии // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39). С. 28-33.
 23. Подвойский Л. Я. Платоновская «идея» по учению П. Д. Юркевича // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 6. С. 289-294.
 24. Прохожев А. А. Национальная идеология и национальная безопасность России. М.: ОАО МПК. 2013. 168 с.
 25. Прытков В. П. Неустрашимость и амбивалентность идеологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 41-46.
 26. Пусько В. С. Российское общество и его идеология // Этносоциум. 2015. № 4 (82). С. 15-20.
 27. Радченко В. И. Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 110-115.
 28. Рудковский Э. И. Глобализирующийся социум и идеология // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2015. Т. 19. С. 106-110.
 29. Селезнев П. С. Политическая идеология инноваций: выбор Запада и выбор Востока // Власть. 2014. № 3. С. 23-27.
 30. Славин Б. Ф. Правда и ложь идеологии: марксизм и постмодернизм // Свободная мысль. 2016. № 1 (1655). С. 105-114.
 31. Соколова Р. И. Сможет ли Россия выжить без идеологии? // Философские науки. 2014. № 1. С. 20-30.
 32. Стрельников И. В. Политическая идеология: актуальность ценностного подхода // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 122-126.
 33. Сулимин А. Н. Политическая идеология как система: от организации к распаду // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 6. С. 43-54.
 34. Сургуладзе В. Ш. Нужна ли обществу идеология? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 10 (297). С. 48-55.
 35. Тетиор А. Н. Древние животные корни идеологий человечества // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe. 2017. № 2-1 (18). С. 69-74.
 36. Трубицын Д. В. Закономерности модернизации в аспекте взаимодействия природы и общества : автореф. дисс. ... учен. степ. д-ра филос. наук: 09.00.11. – Чита, 2016. – 39 с.
 37. Трунов А. А. Блеск и нищета научного проекта идеологии (конец XVIII-начало XIX в.) // Universum: общественные науки. 2014. № 1 (2). С. 3.
 38. Трунов А. А. Как идеи Модерна становятся идеологией? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. Т. 39. № 3 (252). С. 62-70.
 39. Трунов А. А. Фрэнсис Бэкон и новое понимание политических идей // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 26. С. 6-14.
 40. Фомин О. Н. Дискурс, идеология и политика новой российской власти // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 4 (43). С. 4-10.
 41. Харин А. Н. Идеология глобализма versus православный проект // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 29-34.
 42. Хурчак М. Н. Идеология в России и причины преступности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 1. С. 156-162.
 43. Черняховский С. Ф. Мобилизационный потенциал политических идеологий в современной России: проблема сохраняющего развития // Тетради по консерватизму. 2014. № 2 (1). С. 131-138.
 44. Щедровицкий Г. П. Лекция о пространстве проектирования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/7 (дата обращения: 31.05.2018)
 45. Якимов Г. Н. Теория справедливости Д. Ролза // Вестник Омского регионального института. 2016. № 1-1 (4). С. 22-25.

Nikita Ravochkin¹, Vladimir Shchennikov²

IDEOLOGICAL SITUATION IN THE MODERN RUSSIAN

Abstract. *The urgency* of the study is determined by the crisis situation that has developed in the part of the ideology that is characteristic of the contemporary Russian political space. The purpose of the study is the analysis of ideological entities that can provide self-identification of individuals and set a promising vector for the development of Russian society. *Methods of research:* the work presents methods of historical and philosophical analysis, socio-philosophical and political comparativistics. *Results of the research:* the work analyzes the evolution of ideas about ideology in the history of classical and modern philosophical and political thought. The absence of unambiguous adherence to the modern mass consciousness and state policy of the ideology of liberalism or conservatism, to the ideas of patriotism or social justice, is associated with the crisis state of the ideological life of Russian society. *Theoretical significance:* the study outlines the prospects for further research on the indicated problems.

Keywords: ideology, idea, society, politics, state, values, pluralism, liberalism, conservatism, patriotism, socialism.

1 **Ravochkin Nikita Nikolaevich** – Candidate of Philosophical Sciences, associate professor of law and humanitarian disciplines department of the Kemerovo State Agricultural Institute, Markovtseva St. 5, Kemerovo, Russian Federation, 650056. E-mail: nickravochkin@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1247-8231

2 **Shchennikov Vladimir Petrovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Kemerovo State University. 6 Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-0900-7925

References

1. Baranec N. G., Kalantarjan I. G. Deideologizacija i reideologizacija sovremennogo obshhestva: mify i real'nost' [Deideologization and re-ideologization of modern society: myths and reality]. *Vlast'* [The Authority]. 2012. No 11, pp. 097-099. (In Russian).
2. Wallerstein I. Mirosystemnyj analiz: Vvedenie [World-Systems Analysis. An Introduction]. Moscow: URSS Publ., 2018. (In Russian).
3. Gadzhiev K. S. Metamorfozy ideologii v vek informatiki [Metamorphoses of ideology in the Age of Informatics]. Moscow: *Universitetskaya kniga* Publ., 2016a. (In Russian).
4. Gadzhiev K. S. Konec ili vozrozhdenie ideologii? [The End or revival of ideology?] *Svobodnaja mysl'* [Free thought]. 2016b. No 1 (1655), pp. 93-104. (In Russian).
5. Gareeva L. F. Liberalizm kak ideologija svobody lichnosti [Liberalism as the ideology of personality freedom]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]. 2014, No 8 (93), pp. 58-61. (In Russian).
6. Girnik M. N. Liberalizm i konservatizm kak osnova ideologij [Liberalism and conservatism as the basis of ideologies]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2017. No 4, pp. 55-57. (In Russian).
7. Grachjov A. V. Politicheskie ideologii sovremennosti: konfliktologicheskij aspekt [Modern political ideologies: conflictological aspect] *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Newsletter of Omsk State Pedagogical University]. Humanitarian research. 2014. No 1 (2), pp. 84-86. (In Russian).
8. Demin I. V. Traktovka specifiky istoricheskogo poznanija v filosofskoj koncepcii R. Dzh. Kollingvuda [Interpretation of the specifics of historical knowledge in the philosophical concept of R.J. Collingwood]. *Jazyk i kul'tura* [Language and Culture]. 2016. No 24, pp. 25-29. (In Russian).
9. Destutt de Tracy A. Osnovy ideologii [Fundamentals of ideology]. Moscow: *Akademicheskij proekt; Al'ma Mater* Publ., 2013. (In Russian).
10. Zolotuhina-Abolina E. V., Zolotuhin V. E. Ideologija dlja Rossii: puti i prepjatstvija [Ideology for Russia: Strategies and obstacles]. *Svobodnaja mysl'* [Free thought]. 2016. No 1 (1655), pp. 115-122. (In Russian).
11. Zudin A. Ju. Oчерki ideologii razvitija [Essays on the ideology of development]. *Tetradi po konservatizmu* [Essays on conservatism]. 2014. No 2 (2), pp. 7-18. (In Russian).
12. Il'in V. N. Termodinamika i sociologija. Fizicheskie osnovy social'nyh processov i javlenij [Thermodynamics and sociology. The physical basis of social processes and phenomena]. Moscow: *KomKniga* Publ., 2005. (In Russian).
13. Kamenskaja G. V., Solov'ev Je. G., Smirnov A. N. Politicheskie ideologii v sovremennom mire: krizis ili ocherednoj

- jetap jevoljucii? [Political ideologies in the modern world: crisis or the next stage of evolution?]. *Vlast'* [The Authority]. 2015, No 12, pp. 101-108. (In Russian).
14. *Kozyrev M. S.* Ideologija kak faktor social'nyh transformacij [Ideology as a factor of social transformations]. *Social'naja politika i sociologija* [Social Policy and Sociology]. 2013. No 3-1 (94), pp. 279-288. (In Russian).
 15. *Kozyrev M. S.* Istoricheskoe razvitie ideologii [Ideology historical development] *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma state university]. 2014. No 1, pp. 122-126. (In Russian).
 16. *Kravchenko V. V.* Ot ideologii k ideopraktikam: social'no-filosofskij diskurs v jepohu pljuralizma [From ideology to ideopractices: socio-philosophical discourse in the era of pluralism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University] Series: Philosophy. 2013. No 2, pp 25-31. (In Russian).
 17. *Makarevich Je. F.* Ideologija kak edinstvo cennostej [Ideology as a unity of values]. PolitBook. 2016. No 3, pp. 134-150. (In Russian).
 18. *Mangejm K.* Ideologija i utopija [Ideology and Utopia]. Moscow: Jurist Publ., 1994. (In Russian).
 19. *Matc U.* Ideologii kak determinanta politiki v jepohu Moderna [Ideologies as a determinant of politics in the Modern era]. [Online]. Available from: www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf (Accessed: 31st May 2018). (In Russian).
 20. *Mitrofanova A. V. Mitrofanov A. V.* Recenziya na knigu: Harin A. N. Modeli gosudarstvennogo ustrojstva v usloviyah globalizacii: scenarii dlya Rossii. M., 2013 [Book Review: Kharin A. N. Model of government in the context of globalization: scenarios for Russia. Moscow. 2013]. *Geopolitika* [Geopolitics]. 2013. No XX, pp. 127–130. (In Russian).
 21. *Ostapovich I. Ju.* Osobennosti vozdejstviya ideologii na pravo [Features of the impact of ideology on the law]. *The Genesis of Genius*. 2014. No 1-1, pp. 166-172. (In Russian).
 22. *Pahomova E. A.* (2014) K voprosu o kornjah sovremennoj rossijskoj liberal'noj ideologii [To the Question of Modern Russian Liberal Ideology Roots]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector]. 2014, No 3 (39), pp. 28-33. (In Russian).
 23. *Podvojskij L. Ja.* Platonovskaja «ideja» po ucheniju P. D. Jurkevicha [Plato`s idea by P. D. Yurkevich`s study]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Vestnik of Astrakhan state technical university]. 2006. No 6, pp. 289-294. (In Russian).
 24. *Prohozhev A. A.* Nacional'naja ideologija i nacional'naja bezopasnost' Rossii [National ideology and national security of Russia]. Moscow: MPC Publ., 2013. (In Russian).
 25. *Prytkov V. P.* Neustranimost' i ambivalentnost' ideologii [Non-eliminability and ambivalence of an ideology] *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and Practice of Social Development]. 2014. No 3, pp. 41-46. (In Russian).
 26. *Pus'ko V. S.* Rossijskoe obshhestvo i ego ideologija [Russian society and its ideology]. *Jetnosocium* [Etnosocium]. 2015. No 4 (82), pp. 15-20. (In Russian).
 27. *Radchenko V. I.* Nacional'naja ideja i ideologija gosudarstva v Konstitucii Rossijskoj Federacii [The National Idea and Ideology of the State in the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii* [Saratov state law academy bulletin]. 2015. No 2 (103), pp. 110-115. (In Russian).
 28. *Rudkovskij Je. I.* Globalizirujushhijsoj socium i ideologija [Globalizing Society and Ideology]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova* [Scientific notes of Vitebsk State University named after P. M. Masherov]. 2015. No 19, pp. 106-110. (In Russian).
 29. *Seleznev P. S.* Politicheskaja ideologija innovacij: izbor Zapada i izbor Vostoka [The political ideology of innovation: the choice of the West and the choice of the East]. *Vlast'* [The Authority]. 2014. No 3, pp. 23-27. (In Russian).
 30. *Slavin B. F.* Pravda i lozh' ideologii: marksizm i postmodernizm [Truth and Lie of Ideology: Marxism and Post-Modernism]. *Svobodnaja mysl'* [Free thought]. 2016. No 1 (1655), pp. 105-114. (In Russian).
 31. *Sokolova R. I.* Smozhet li Rossija vyzhit' bez ideologii? [Can Russia Survive without Ideology?]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 2014. No 1, pp. 20-30. (In Russian).
 32. *Strel'nikov I. V.* Politicheskaja ideologija: aktual'nost' cennostnogo podhoda [Political ideology: relevance on the value approach]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and Practice of Social Development]. 2015. No 10, pp. 122-126. (In Russian).
 33. *Sulimin A. N.* Politicheskaja ideologija kak sistema: ot organizacii k raspadu [Political ideology as a system:

- from organization to degradation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and Problems of Political Studies]. 2015. No 6, pp. 43-54. (In Russian).
34. Surguladze V. Sh. Nuzhna li obshhestvu ideologija? [Does society need ideology?]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obzrevatel'* [Scientific-analytical journal Observer]. 2014. No 10 (297), pp. 48-55. (In Russian).
35. Tetior A. N. Drevnie zhivotnye korni ideologij chelovechestva [Ancient animal roots of mankind ideologies]. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe* [East European Scientific Journal]. 2017. No 2-1 (18), pp. 69-74.
36. Trubicyn D. V. Zakonomernosti modernizacii v aspekte vzaimodejstviya prirody i obshhestva [Regularities of modernization in the aspect of interaction between nature and society]. Abstract of the Doctor of Philosophical Sciences dissertation. Chita, 2016. (In Russian).
37. Trunov A. A. Blesk i nishheta nauchnogo proekta ideologii (konec XVIII-nachalo XIX v.) [Shine and poverty of the scientific project of ideology (the end of the XVIII-the beginning of the XIX century)]. *Universum: obshhestvennye nauki* [Universum: social sciences]. 2014. No 1 (2), pp. 3. (In Russian).
38. Trunov A. A. Kak idei Moderna stanovjatsja ideologiej? [How ideas of Modernity have become ideology?]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belgorod State University Scientific Bulletin]. Philosophy. Sociology. Law. 2017. No 3 (252), pp. 62-70. (In Russian).
39. Trunov A. A. Frjensis Bjekon i novoe ponimanie politicheskikh idej [Francis Bacon and a new understanding of political ideas]. *Aktual'nye voprosy obshhestvennykh nauk: sociologija, politologija, filosofija, istorija* [Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history]. 2013, No 26, pp. 6-14. (In Russian).
40. Fomin O. N. (2014) Diskurs, ideologija i politika novoj rossijskoj vlasti [Discourse, Ideology and Policy of the New Russian Authorities]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija* [Bulletin of the Volga Management Institute]. 2014. No 4 (43), pp. 4-10. (In Russian).
41. Harin A. N. Ideologija globalizma versus pravoslavnyj proekt [The ideology of globalism versus the Orthodox project]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. 2015. No 1, pp. 29-34. (In Russian).
42. Hurchak M. N. Ideologija v Rossii i prichiny prestupnosti [Ideology in Russia and the causes of crime]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University]. Series: Law. 2015. No 1, pp. 156-162. (In Russian).
43. Chernjahovskij S. F. Mobilizacionnyj potencial politicheskikh ideologij v sovremennoj Rossii: problema sohranjajushhego razvitija [The mobilization potential of political ideologies in modern Russia: the problem of preserving development]. *Tetradj po konservatizmu* [Essays on conservatism]. 2014. No 2 (1), pp. 131-138. (In Russian).
44. Shhedrovickij G. P. Lekcija o prostranstve proektirovanija [Lecture on the design space]. [Online]. Available from: www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/7 (Accessed: 31st May 2018). (In Russian).
45. Jakimov G. N. Teorija spravedlivosti D. Rolza [D. Rawls's Theory of Justice]. *Vestnik Omskogo regional'nogo instituta* [Bulletin of Omsk Regional Institute]. 2016. No 1-1 (4), pp. 22-25. (In Russian).